

Братскому
монгольскому
народу
посвящаю

Автор

ТРИЛИСТНИК ПИСЬМЕННОГО СТОЛА

ГЛАВА I

Преодоление филологии

О чтении книг

Когда возникает интерес к какому-либо предмету, когда хочется узнать о нем все: и то, что он собой представляет, и как он связан со своим окружением, и какое он имеет значение для меня и моих современников, — то прежде всего ищешь книгу, желательно одну, где бы все это было описано. Надеешься, что, прочтя ее, обретешь покой и сможешь перейти к очередным делам, до тех пор пока демон любознательности не вцепится снова в сердце.

И вот, признаюсь, мне безумно захотелось узнать, как в пустынных степях Монголии внезапно возникла могучая империя Чингисхана, которая через 100 лет так же быстро развалилась. Конечно, я тут же бросился искать книгу, но каково же было мое разочарование: книг оказалось больше, чем я мог бы за всю жизнь прочесть, а ответа на вопрос так-таки и не было.

Мне могут возразить, что я не имею права на такое утверждение, поскольку признаюсь сам, что всех книг не прочел. Но, к счастью, нам осталось наследство от средневековой схоластики — система сносок и ссылок. Читая обзорную работу, по ссылкам легко установить, что откуда переписано. Авторы обзорных работ — люди дотошные. Уж если бы они могли откуда-нибудь списать такое ценное сведение, которое проливалось бы

свет на причину образования мировой империи, так и списали бы его. Но, к сожалению, его нет! И мне пришлось копаться в текстах самому.

Но и тут меня подстерегали огорчения. Авторы одних источников сообщали о том, что в Азии было большое христианское царство еще до возникновения монгольской империи, а авторы других источников того же времени об этом умалчивали. Я окончательно растерялся. Чтобы удовлетворить свое страстное любопытство, мне пришлось заниматься историей кочевников всерьез, отодвинув на задний план все другие дела.

Но история — дело тонкое. Если просто собрать сведения из разных источников, то они чаще всего противоречат друг другу. Если же отобрать только те, которые между собой согласуются, то они рассыпаются, как стальные шарики, сложенные в виде пирамиды. Надо бы их скрепить, цементировать, да нечем! И тут я подумал: возьму-ка заведомо правильное суждение, что Чингисхан был и его империя существовала, и заведомо сомнительное, что пресвитер Иоанн царствовал в «Трех Индиях», и сопоставлю их на авось. Вдруг от такого сочетания сама собой получится органическая концепция, поскольку у меня уже появятся положительные и отрицательные величины. Так я и поступил. А теперь пусть судит читатель, насколько удачной оказалась моя попытка.

Аутентичная ложь

В 1145 г. в Западной, романо-германской, феодальной и католической Европе распространился слух, потрясший воображение королей и прелатов, рыцарей и купцов, благородных дам и прекрасных куртизанок, грубых провинциальных баронов и моряков средиземноморских флотов Генуи, Венеции и Пизы — словом, всех, имевших хотя бы косвенное отношение к подготовлявшемуся тогда второму крестовому походу.

Выдающийся германский историк, автор всемирной хроники «Книги о двух государствах» и исторического труда «Деяния императора Фридриха» (Барбароссы), Оттон Фрейзингенский оставил следующую запись: «...Мы повстречали также недавно рукоположенного в сан епископа Габульского из Сирии... Он рассказал, что несколько лет назад некий Иоанн, царь и священник народа, живущего по ту сторону Персии и Армении, на крайнем Востоке, и исповедующего христианство, хотя и несторианского толка, пошел войной на двух братьев Самиардов, царей Мидии и Персии, и завоевал их столицу Экбатану [?!]... Одержав победу, названный Иоанн двинулся дальше, чтобы прийти на помощь Святой церкви. Однако когда он достиг Тигра и за неимением корабля не смог переправиться через него, то пошел к северу, где, как он узнал, река эта зимой замерзает. Но, проведя там напрасно несколько лет, он не дождался мороза и, не достигнув из-за теплой погоды своей цели, был вынужден вернуться на родину, тем более что из-за нездорового климата он потерял многих своих воинов... Кроме того, рассказывают, что он ведет свой род от древних волхвов» [цит. по: 168, II, 441]* (т. е. евангельских волхвов, якобы наблюдавших вспышку Вифлеемской звезды и принесших дары новорожденному Иисусу).

Аналогичные сообщения появились и в других германских хрониках [168]. По-видимому, сообщения о царе-первосвященнике начали рассматривать как реальность. На легенду narosли новые подробности: появилось письмо пресвитера Иоанна византийскому императору Мануилу Комнину, написанное будто бы на арабском языке и затем переведенное на латинский

* Здесь и далее в квадратных скобках первая цифра обозначает номер источника в списке литературы, помещенном в конце книги, римская указывает номер тома в многотомном издании, и следующая — страницы; номера страниц отделяются точкой с запятой; номера источников — точкой. (Ред.)

для папы и императора Фридриха Барбароссы. Арабский оригинал не сохранился, а в дошедшей до нас версии текст письма таков (в сокращении):

«Пресвитер Иоанн, всемогуществом Божиим и властью Господина нашего Иисуса Христа царь царей, повелитель повелителей, желает другу своему Мануилу, князю Константинопольскому, здравствовать и благоденствовать по милости Божией...» [168].

Уже одно это обращение могло бы насторожить читателя, хотя бы чуть-чуть способного к критике. Иоанн называет своих вассалов царями, а суверенного государя Мануила Комнина — князем Константинопольским. Такое явное неуважение, причем ничем не вызванное, должно было бы иметь последствием не союз и дружбу, а разрыв дипломатических отношений. Но фальсификатор, автор письма, знал свою аудиторию. На католическом Западе унижение византийского православного царя, пусть мнимое, было воспринято как нечто подразумевающееся и не повлекло за собой недоверия к тексту, что пошло бы только на пользу делу.

Далее, пресвитер Иоанн описывает свою державу, которую называет «Три Индии», причем местом своей столицы называет Сузы. Только совершенно не сведущий в античной географической литературе читатель мог не заметить, что сам автор письма ничего не понимает в географии.

Понятно, что в Константинополе на эти рассказы не обратили ни малейшего внимания, а западноевропейскому читателю XII в. даже в голову не пришло, что его просто морочат.

Весьма примечательно, что «пресвитер Иоанн» счел долгом описать все живое своего царства, начиная со зверей наиболее экзотичных, с точки зрения европейца: «Слоны, дромадеры, верблюды, *Meta collinarum* (?), *Cametennus* (?), *Tinserete* (?), пантеры, лесные ослы, белые и красные львы, белые медведи, белые мерланы (?), цикады, орлиные грифоны... рогатые люди, одноглазые,

люди с глазами спереди и сзади, кентавры, фавны, сатиры, пигмеи, гиганты, циклопы, птица феникс и почти все обитающие на земле породы животных...» [168]

Откуда автор письма взял этот список? Только из средневековой фантастики, так как этот жанр никогда не умирал. Кажется совершенно удивительным, что в такую чепуху поверили и верили еще свыше 500 лет, но такова сила слова, заключенного в «аутентичный источник», а письмо именно таким и было. И поэтому папа Александр III 27 сентября 1177 г. выдал длинное послание лейб-медику магистру Филиппу для «царя-первосвященника Иоанна». Посол вместе с письмом был отправлен из Венеции тогда же. Но куда? Место обширного и великого христианского царства на Дальнем Востоке было неизвестно, и все попытки отыскать его не имели успеха. Да иначе и быть не могло — царства восточных христиан не существовало!

Долго не хотели европейцы примириться с разочарованием, но пришлось. Ни в Индии, ни в Абиссинии, ни в Китае не нашлось ничего похожего на столь подробно описанное царство Иоанна. В XIX в. историкам осталось лишь объяснять причины фальсификации и легковерия предков. Но ведь методика исторической критики и сейчас не всегда принципиально отличается от средневековой, а кроме того, как истина, так и ложь всегда смешаны между собою, хотя и в разных пропорциях.

Дыма без огня не бывает, и теперь уже нет никаких сомнений в том, что причиной слуха было действительное событие: разгром войск сельджукского султана Санджара ополчением центральноазиатских племен, объединенных киданьским гурханом Елюем Даши на Катванской равнине в 1141 г.¹ Вероятно, несториане были и среди кочевников, но сам Елюй Даши если и имел определенные религиозные симпатии, то только к буддизму. До Тигра его войска не доходили, да и не стремились дойти, царство его было небольшим,

охватывавшим только Семиречье, часть Джунгарии и южные склоны Алтая; имени Иоанн среди киданьских владык не зафиксировано, и ничего похожего на пышный вымысел средневековых европейцев² в Азии не обнаружено. И тут встают сразу две большие проблемы: 1) что же было на самом деле? 2) поскольку аутентичный источник дает заведомо ложные сведения, то имеем ли мы право вообще доверять источникам, а если нет, то как нам добыть сведения достоверные? Вот на эти два вопроса мы и постараемся ответить нашей книгой.

Возникающие трудности

На наше счастье, история Средних веков неплохо разработана нашими предшественниками. Это надо понимать в том смысле, что установлена последовательность большинства событий политической истории, датированы войны, договоры, дипломатические и династические союзы, законодательные акты и социальные реформы. Иными словами, уже имеется канва, на которую можно нанести тот или иной узор и воспользоваться ею для того, чтобы опровергнуть или поставить под сомнение сведения, нелепость которых бросается в глаза; в том числе и рассказ о «первосвященнике-царе Иоанне».

Но вместе с тем событий так много, что охватить их взглядом или запомнить и удержать в памяти невозможно. Обычно здесь принято идти путем узкой специализации — изучения страны в одну, сравнительно короткую эпоху. Ведь именно этот путь привел средневековых летописцев к принятию абсурдного сведения об Иоанне, сведения, которое не удержалось в арсенале византийской и древнерусской науки, потому что греки и русские, находясь территориально ближе к Азии, знали ее лучше, чем современные им немцы или французы. Следовательно, путь сужения специали-

зации ведет к тому, что на глаза исследователя надеваются шторы и отсутствие перспективы приводит к не меньшим ошибкам, чем недостаточная углубленность.

Затем для нашей темы необходимо самое широкое рассмотрение истории тех стран, где несторианство возникло, развилось и погребло, т. е. почти тысячелетний период истории Азии от Мраморного до Желтого моря. Удержать же в памяти все события, связанные с интересующей нас темой, возможно только путем помещения их в какую-то систему, специально для этой темы приспособленную. А поскольку такой системы нет, то надо ее изобрести, помня одновременно, что назначение ее чисто вспомогательное.

Нужный для вывода материал можно получить двумя путями: 1) непосредственно из источников, т. е. сочинений современников событий, и 2) из сводной исторической литературы XIX–XX вв. Второй способ имеет ряд преимуществ: он менее трудоемок; критика средневековых текстов и версий уже произведена, и повторять ее без достаточных оснований не имеет смысла; события сведены в причинно-следственные ряды, что облегчает нашу задачу — интерпретацию, и, наконец, читатель без затруднения может проверить ход нашей мысли и правильность выводов. Но, увы, ограничиваться этим путем нельзя, ибо если бы в историографии все обстояло так благополучно, то не возникало бы проблем, подобных тем, с которыми мы уже столкнулись и столкнемся еще не раз. Поэтому нам придется снова и снова обращаться к источникам не в плане текстологическом или литературоведческом, а на предмет проверки достоверности тех или иных сведений, возбуждающих сомнения или недоверие. Источниковед-филолог стремится ответить на вопрос: что говорит изучаемый автор? А источниковеда-историка интересует: что из сообщаемого автором — правда, что им опущено и как было на самом деле? Разница в аспекте очевидна.

Весьма распространено мнение, что ошибочность или недостаточность вывода объясняется поверхностным изучением источника. Молчаливо предполагается, что имеющиеся в научном обороте источники содержат все, что нужно для совершенного знания предмета. Достаточно лишь предельно точно перевести сочинение средневекового автора и пересказать его своими словами, чтобы любая проблема, связанная с данным сочинением, была решена. Это мнение нигде специально не сформулировано, но бытует как нечто само собой разумеющееся и не подлежащее пересмотру. При этом упускается из виду, что, слепо следуя источникам, историк только воспроизводит точку зрения древнего автора, а никак не истинное положение дела, которое самому старинному автору бывало зачастую неясно. Критика источников при таком подходе сводится к установлению их аутентичности, а противоречия нескольких, несомненно подлинных, источников составляют барьер, не всегда преодолимый. Да и как его перепрыгнуть, если для этого рекомендуется, допустим в нашем случае, опровергнуть все новые, да и старые исследования по истории Монголии, заново перевести источники с арабского, персидского, греческого, китайского, монгольского, латинского, грузинского и армянского языков, да так, чтобы не повторить ни одного из предшественников, и в конце концов выдвинуть еще одну гипотезу, отнюдь не имея уверенности, что она лучше прежних.

Этот путь меня не манил прежде всего потому, что я никак не мог набраться смелости заявить, что мои переводы (если бы я их сделал) будут лучше и точнее, чем те, которые были выполнены блестящими и учеными филологами. Наоборот, историк, имея собственную точку зрения, всегда будет подгонять перевод под подтверждение ее. И совершенно безразлично, сознательно ли он выбирает удобные для него варианты или искренне верит, что так оно и есть. Даже стремле-

ние к повышению степени буквальности нецелесообразно, потому что буквальный перевод далеко не всегда самый точный, так как тут опускаются смысловые и интонационные нюансы, значащие в литературном произведении куда больше, чем формы глаголов или синтаксические обороты.

Но самым главным пороком этого метода является то, что исследование предмета подменяется изучением текстов, упоминающих о нем. Ведь нас интересует сама несторианская проблема, а не то, что о ней рассказывали современники.

Факты, отслоенные от источника критикой, редко позволяют уяснить ход событий, потому что всегда многие важные события в источниках бывают опущены, а незначительные выпячены. Примером может служить Ветхий Завет Библии. Читая только его, невозможно усомниться в том, что вся история Ближнего Востока в первом тысячелетии до нашей эры вращалась вокруг Израиля и Иудеи. На самом же деле, как мы теперь хорошо знаем, Израиль и Иудея были захолустьями ближневосточного мира, исторические судьбы которого в эту эпоху определялись совсем другими народами и государствами.

Точно так же из «Песни о Роланде» вытекает, что главным событием первого похода Карла Великого в Испанию в 778 г. была геройская смерть Роланда в неравном бою с маврами. Но, как известно, такого боя вообще не было и Роланд на самом деле был убит в Ронсевальском ущелье басками, а не маврами. Однако такое явное искажение событий не мешает «Песни о Роланде» оставаться первоклассным историческим источником, как не мешает оно оставаться таковым же и «Слову о полку Игореве», хотя описанный в нем поход князя Игоря на половцев 1185 г. проходил совсем не так, как изложено в «эпосе» [192, 37–57].

Поэтому необходим анализ, который целесообразно проводить путем синхронистического подбора фак-

тов, благодаря чему легко обнаружить преувеличения и недомолвки источников, а также «белые пятна» в общей картине. Заполнение последних возможно только путем интерполяций, восполняющих на основе причинно-следственных связей первоначальную канву событий, полученную из источников [59]. Степень точности при интерполяциях, естественно, снижается, но допуск невелик и общая закономерность не нарушается, зато в противном случае она теряется вообще. Следующая операция — синтез: сравнение полученной исторической канвы с аналогичными рядами фактов, установленных таким же образом в смежных науках. Синтез — констатация схождения и расхождения и объяснение того и другого, что и является целью исследования.

Итак, методическая цепь четырехчленна: 1) как (написано)? 2) что (было на самом деле)? 3) почему (произошло именно так)? и 4) что к чему? — завершённый продукт производства.

Спешу договорить, дабы предупредить возможную — нет, неизбежную — критику, основанную на неполном понимании моего подхода. Я не против повторения переводов старинных текстов, даже больше — я за него, но считаю непозволительной роскошью не отдавать себе отчета в том, что именно может принести такая очень большая и сложная работа. В разных случаях разное. Для изящной словесности повторные и параллельные переводы крайне желательны. Каждый переводчик передает подмеченные им нюансы — эстетические, стилистические и смысловые. Тут не может возникнуть дублирования, потому что художественный перевод всегда отличается от подлинника и от аналогичного перевода, особенно сделанного на несколько поколений раньше. Тут и язык — как система ассоциаций и рефлексов — имеет значение, а мы знаем, что наши деды говорили пусть чуть-чуть, но иначе, чем мы.

Другое дело — деловой перевод. Там, где дело не касается терминологии, стилистика не меняет ни смысла, ни значения. В каких бы выражениях ни было сказано о поражении, допустим, русских на реке Калке — факт не изменится и убитые князья не воскреснут. Для нашего анализа достаточно такого перевода, и даже следует ограничиться именно им, чтобы иметь возможность взвесить все *pro et contra* беспристрастно.

Что же касается терминов (названий чинов, родов войск, топонимов, этнонимов и т. п.), то в раскрытии их филолог ничем не сможет помочь историку, если тот не разберется сам, опираясь не на этимологию отдельных слов, а на комплекс событий, в описаниях которых эти трудные слова встречаются в разных сочетаниях. Вот поэтому-то мы и будем рассматривать проблему «попа Иоанна» не как проблему текстов, а как проблему исторической действительности XII в., для которой вопрос о восточном христианстве, как это ни странно, является ключевым вопросом.

Поиски путей исследования

Вопрос о том, как писать «историю», не решен, да и никогда не будет решен. Более того, в решении его нет необходимости, потому что рецепты здесь идут скорее во вред делу, чем ему на пользу. Совершенно невозможно представить, чтобы два исследователя-современника, занимающиеся одним периодом, даже при полном согласии в трактовке событий и оценке явлений, изложили предмет одинаково, так как каждый из них уделит большее внимание сюжетам, соответствующим его научным интересам. Именно это разнообразие способствует объективному познанию исторического процесса, который предстает перед читателем в разных аспектах и, значит, наиболее полно.

Жанр, стиль и язык исторического повествования определяются тем, к кому обращается автор: к группе

ученых-специалистов или к широкому читателю, интересующемуся темой исследования. В первом случае обязателен крайне обстоятельный анализ сложных проблем, решение которых предлагается автором; сокращенное до минимума изложение хода событий, потому что специалистам оно известно, и сухой, деловой язык, ибо центр тяжести перенесен на доказательство и историю вопроса. По существу, такая книга не что иное, как большая статья.

Во втором случае автор уделяет больше внимания историческому синтезу, опираясь на результаты аналитических работ через отсылочные сноски. Повторять аргументацию цитируемых статей нецелесообразно, так как это лишит читателя возможности следить за ходом мысли автора. Изложение развития событий приобретает решающее значение, потому что в нем, как в фокусе телескопа, сосредоточивается осмысление эпохи в целом. Язык допустим образный, подчас эмоциональный.

Наконец, возможен и третий подход — справочный. Далеко не все разделы истории одинаково хорошо известны читателям, в том числе самим историкам. Историческая наука в XX в. так расплзлась вширь и вглубь, что историк, скажем, итальянского Возрождения оказывается по отношению к истории Индии или Китая просто квалифицированным читателем. Это особенно болезненно отражается при постановке сюжетов, подобных нашему. По кочевниковедению есть огромная специальная литература на многих языках, но нет общих, облегченных сводок, из которых можно без труда извлекать нужные сведения. А ведь это самое главное — легкость получения положительных знаний, позволяющая сосредоточить сэкономленные силы на обдумывании предмета.

Еще за тысячу лет до нас проблема избыточной информации занимала лучшие умы историков, в ряде случаев непревзойденных. Константин Багрянородный,

столкнувшись с этой трудностью, писал: «Материал истории дорос до пределов необъятных и неодолимых; поэтому цель работы — соединить выдержки из писателей старых и новых». Этим он хотел сказать, что важным для него является, во-первых, установление факта, причем безразлично, из какого источника автор его почерпнул, и, во-вторых, обнаружение связей данного факта с другими, т. е. нахождение его места в цепи событий. Именно это считал он наукой — историей, а прочее, т. е. историографию, рассматривал как подсобное и не всегда нужное занятие.

Но прежде чем излагать историю страны или народа, надо увидеть ее самому, а смотреть тоже можно по-разному: с птичьего полета, с вершины холма, из мышиной норы. В каждом случае мы что-то заметим, а что-то упустим, но совместить все три уровня рассмотрения невозможно. Следовательно, приходится выбирать тот, который нам нужен в данный момент.

Итак, при историческом анализе лучше всего применять все три метода, так как ни один из них не заслуживает предпочтения, а просто отвечает на разные вопросы. Предлагаемый здесь подход не что иное, как анализ, т. е. «расчленение», необходимое для того, чтобы распутать неясные места в истории и потом перейти к синтезу, когда учитываются результаты разных методик исследования. Только таким путем можно вырваться из прокрустова ложа заданной схемы, не впадая в мелочеведение, при котором теряется сам предмет исследования — ритмы Всемирной истории.

А теперь о синтезе

Звездное небо наблюдают в телескоп; женский профиль — простым глазом; насекомое — в лупу; каплю воды — в микроскоп. А как мы наблюдаем историю? Горько сказать, но большая часть бесплодных споров происходила оттого, что исторические процессы

хотели видеть одним глазом с уменьшением, допустим, в 1000 раз, а другим — с увеличением примерно в 850 раз, простодушно полагая, что таким образом будет достигнуто какое-то среднее искомое приближение. Не отсюда ли многовековой спор между методиками, школами, подходами и т. д.? Представим себе, что в нашем распоряжении есть историоскоп, прибор с масштабной шкалой, содержащей градацию степени приближения. Попробуем поставить окуляр на приближение № 1 (самое общее).

Мы увидим огромную спираль — путь исторического развития. Нижний ее конец теряется в густых лесах, окаймлявших языки наплывавшего ледника, в пещерах, где высокие смуглые люди делили тушу мамонта, разрезая мясо кремневыми ножами. Ниже витки спирали расплываются и просматриваются только отдельные ее отрезки со смутными абрисами гоминоидов: неандертальца, синантропа и других порождений природы. Верхний конец уходит в будущее, которое представляется нам как полное торжество человека над природой, но описывать его я не берусь, предоставляя это занятие авторам научно-фантастических романов. Наша письменная история — всего один виток этой гигантской спирали.

В первом приближении мы наблюдаем три нити закономерности общечеловеческого развития: демографический взрыв, технический прогресс и смену социально-экономических формаций. Рост населения за последнюю тысячу лет идет по восходящей кривой. У рубежа нашей эры население Земли насчитывало от 250 до 350 млн человек. В 1000 г. оно составляло около 275 млн человек; в 1650 г. — около 545 млн, в 1800 г. — приблизительно 906 млн, в 1900 г. — 1,6 млрд; в 1950 г. — 2,517 млрд и к 2000 г. должно достигнуть 6 млрд человек. При этом замечено, что прирост населения особенно велик не в странах изобилия плодов земных, а там, где ощущается их недостаток [71, 172–

174]. Очевидно, здесь не функция роста цивилизации, а имманентный закон, присущий человечеству как виду.

Технический прогресс на таких отрезках времени несомненен. Он перерастает рамки социальных отношений и становится фактором антропогенного преобразования ландшафтов земной поверхности. Исчезли и исчезают целые виды животных, распространяются виды культурных растений, например пшеница, картофель, кофе, вытесняя естественные геобиоценозы. Загрязняются промышленными отходами пресные воды, и даже начинает изменяться состав атмосферы. Прогресс — как огонь: он и греет, и сжигает. Социальное развитие описано достаточно подробно, и нет надобности повторяться. Изучение этих ритмов — достояние всемирно-исторической методики. Культурно-историческая школа по отношению к этим закономерностям бессильна. Она просто их не замечает, так как ее диапазон узок.

Сдвинем наш окуляр на приближение № 2. Сразу пропадет спираль и останется только один ее виток длиной около 5 тысяч лет, который будет восприниматься как прямая линия. Но эта линия прерывиста, как будто она состоит из переплетения разноцветных нитей, концы которых заходят друг за друга. Это те самые исторические культуры, которые то и дело сменяют друг друга, веками сосуществуя на поверхности планеты Земля. Так, заря Эллады, когда базилевсы с дружинами разорвали Трою, — XII в. до н. э. — по времени совпала с закатом Египта и началом упадка могущества Ассирийского царства и Вавилонии. Так, при агонии золотой Византии — XIII в. — возносились знамена франкских рыцарей и бунчуки монгольских богатырей. А когда изнемогал от внутреннего кризиса средневековый Китай — XVII в., — тут же поднялся трон маньчжурского богдыхана, вокруг которого объединилась Восточная Азия. И каждый из этих подъемов

был связан с явлениями этногенеза — появлением новых народов путем коренного преобразования прежних. Тут уж нельзя говорить об одном процессе. Наоборот, наблюдается переплетение разных процессов с инерционной кривой развития: быстрый подъем, короткая стабилизация в зените и постепенный упадок, за которым иногда следует полное исчезновение данного этноса. Именно об этих явлениях говорили Ибн-Халдун и Джамбаттиста Вико.

Сдвинем рычаг историоскопа на приближение № 3 — и увидим только одну культуру, переживающую свою юность, зрелость и старость. Перед нами предстанет картина социальной борьбы. В Древнем Риме шла борьба патрициев и плебеев, затем — оптиматов и популяров, потом — сената и легионеров. В Италии это будет борьба лангобардов с местным населением, переоформившаяся затем в борьбу гибеллинов и гвельфов и, наконец, в войны итальянских городов между собою. В Монголии это будет война дружинников Чингисхана против племенных вождей кераитов, меркитов и найманов. В Арабском халифате соперничество кайситов и кельбитов сменилось войной Аббасидов против Омайядов, потом карматов против мусульман и, в конце концов, турок против всех остальных. Но каждая культура будет видна отдельно, все остальные окажутся для нее только фоном, объясняющим отдельные события политической истории, но не собственные ее ритмы.

При приближении № 4 мы увидим уже не всю историю культуры как целого, а только отдельную эпоху. Социальные противоречия станут расплывчаты, а отчетливы и выпуклы — характеры и судьбы отдельных людей. Тогда историк будет говорить о необузданности Мария, железной воле Суллы, легкомыслии Помпея, предусмотрительности Цезаря, влюбчивости Антония и расчетливости Октавиана. История будет казаться поприщем для соперничества великих людей, хотя извест-

но, что сама идея обманчива. Фоном станет эпоха, которую рассматривали в предыдущем приближении как основную и конечную цель изучения. Но это еще не предел.

Возможно еще приближение № 5, при котором в поле зрения оказывается один человек. Как ни странно, это приближение используется очень часто. Если этот человек Пушкин — возникнет пушкиноведение, если Шекспир — шекспирология. Но здесь история смыкается с биографическим жанром и перестает быть сама собой. Шкала историоскопа исчерпана.

Вот к какому решению привел анализ всемирно-исторического материала для ответа на вопрос, поставленный в начале сочинения: как понять историю царства пресвитера Иоанна на фоне Всемирной истории? Какое приближение отвечает нашим задачам и как его следует применить к делу?

Приближение № 1 явно не может быть использовано, потому что интересующее нас столетие будет казаться точкой на бесконечно длинной кривой. А, как известно, описать точку невозможно, потому что она имеет место в пространстве, но не имеет формы. Кроме того, методы, применимые при первом приближении, как то: образование рас первого порядка (негроидов, европеоидов и монголоидов), открытие добывания огня, изобретение письма, применение металла и т. п., образуют такие эпохи, для которых появление ложного слуха, вроде того, какой интересуется нас, — явление отнюдь не соразмерное.

Перейдем к приближению № 2. Здесь уже есть на что обратить внимание. В XII в. наблюдается причудливое переплетение различных культур, непохожих друг на друга и избегающих сходств, даже в виде заимствований. Западная Европа, разъединенная политически, воспринимает себя как единство, целостность, называя себя «христианским миром», куда не включает схизматиков: греков и русских. Та же картина в странах

ислама: политическая раздробленность ничуть не мешает культурному единству, противопоставляющему себя и «франкам», и грекам, и «неверным туркам», под которыми понимались все кочевники Евразии, включая венгров и монголов. Китай был в XII в. централизован, но рассматривал как свою периферию царства тангутов — Си-Ся и киданей — Ляо. Это была явная натяжка, потому что тангуты больше тяготели к тибетской культуре, а кидани хранили многие традиции кочевого быта, но таково было мироощущение китайцев, уверенных в своем превосходстве над всеми народами всего мира. А сами кочевники? Там, где они не окитаились, или не перешли в ислам, или не стали феодально-католическим королевством, как, например, в Венгрии, они оставались сами собой и, подобно всем перечисленным культурам, ощущали свое единство на фоне политического и бытового разнообразия. Для нашей темы это фон; но что это за картина, если в ней нет второго плана и глубины?

При приближении № 3 мы уже подходим к предмету вплотную. Судьба несторианства как особой ветви культуры, которую можно условно назвать «византийской» (ибо само слово «Византия» — термин условный, потому что средневековые константинопольские греки именовали себя ромеями, т. е. римлянами), будучи прослежена от начала до конца, многое объяснила бы нам, и наша тема оказалась бы лишь ее составной частью. Но тогда нам пришлось бы заодно поднять такие вопросы, которые отвлекли бы нас от нашей проблемы, и поэтому целесообразно перейти к приближению № 4 и рассмотреть только одну эпоху — с 1141 по 1218 г., когда несторианские ханства были завоеваны монголами Чингисхана.

Казалось бы, решение найдено, но, к сожалению, на нашем пути лежит камень преткновения: источники по истории несторианских ханств XII в. слишком скудны. Сохранилось только несколько случайных упо-

минаний, по которым восстановить ход событий и дать объяснение их невозможно. Поэтому-то эта проблема осталась не освещенной в исторической науке, но мы попытаемся найти выход из положения, кажущегося безнадежным.

Применим «панорамную» методику. Соберем и систематизируем все, что происходило до, после и вокруг «белого пятна», т. е. примем как вспомогательный прием приближение 3,5; затем, на базе установленных фактов, рассмотрим стимулы поведения отдельных людей, принимавших участие в событиях; это будут приближения 4, 5. Если и таким способом, до сих пор не применявшимся, мы не получим результатов — тогда опустим руки. Но пока есть надежда на успех — начнем исследование.

СОДЕРЖАНИЕ

ТРИЛИСТНИК ПИСЬМЕННОГО СТОЛА

Глава I. Преодоление филологии

О чтении книг	7
Аутентичная ложь	8
Возникающие трудности	12
Поиски путей исследования	17
А теперь о синтезе	19

Глава II. Выход в географию

Страна и народ	26
Вода и воздух	29
Дорога к истине	33

Глава III. Путь через историю

На рубеже Китайской стены	37
Степное византийство	46

ТРИЛИСТНИК ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

Глава IV. Темный век (861–960)

Конец столетия	58
Новые ритмы	64
Третья сила	67
В историю вмешиваются дожди	73
Соперники	77
Империя Ляо	83
Кушанье с приправой	86
Опыт пространственного анализа	88

Глава V. Разорванное безмолвие (961–1100)

Вокруг Китайской стены	93
Запад	99

Северо-Запад	101
Северный оазис	102
Степняки-кочевники	107
Обманчивость слов	109
Война за свободу	112
Прообраз Иоаннова царства	118
Опыт этнологического обобщения	120

Глава VI. Прообраз героя легенды (1100–1143)

Опять в походе	123
Карьера принца	124
Судьба хана	129
Появление царя-священника	136
Иоанново царство	142

ТРИЛИСТНИК КУРГАНА

Глава VII. Мужество и гибель «царя Давида» (1143–1218)

Зеркальное отражение	150
Найманы и кераиты	156
Монголы XII в.	160
Невзгоды	161
Исторический комментарий	165
Опыт анализа	171
Тэмуджин и Джамуха	177
Великий курилтай	181
Слава и гибель	185
Возрожденная иллюзия	190

Глава VIII. Утрата мечты (1218–1259)

Преимущества и недостатки «вида с кургана»	193
Следствия и причины	198
Сила инерции	204
Борьба партий	207
Жестокая действительность	216
Когда сказка стала былью	219

Глава IX. Расправа с победителями (1259–1312)

Желтый крестовый поход	223
Новые враги христианства	225

Кит-Бука-нойон	229
Война в Китае.	232
Два курилтая	233
Ариг-Буга	236
Хайду	238
Ная	239
Принц Георгий, или Коркуз.	242
Правда вместо сказки.	245
Подход автора и основания для скепсиса	249

ТРИЛИСТНИК МЫШИНОЙ НОРЫ

Глава X. Вкусы и симпатии автора «Тайной истории»

Повод для сомнения	252
Поиски выхода.	256
Проблема жанра	262
Характеристики	265
Право на недоверие	273
Вывод.	276

Глава XI. Джамуха-сэчэн под следствием

Почему сие важно?	279
На урочище Байдарах-бельчир.	280
А все-таки я не верю текстам, и вот почему	283
У кераитов и найманов	287
Гибель Джамухи.	291
Повод для размышлений	293
Вера и история.	296

Глава XII. Двуетидный

О вреде предвзятости.	299
«Черная вера».	300
Бог монголов и его характер.	303
Двуетидство или дуализм?	305
Многоликость дьявола	308
Поиск источника веры	314
Бон	317
Вера, но не религия.	319
Не шаманизм!	321

ТРИЛИСТНИК МЫСЛЕННА ДРЕВА

Глава XIII. Опыт преодоления самообмана

Мысль изреченная	325
Недоумения	327
Земля незнаема	331
Хины	334
Хиновские стрелы	335
Еще несколько слов	339
Троян и див	341
Мысленно древо	348
Каяла и Калка	349
Ядро и скорлупа	355
Полоцкая трагедия	360
Паломничество князя Игоря	362
Поэт и князь	364

Глава XIV. Пространственно-временная схема

Разговор с филологом	370
Синхронистическая таблица	373
Историческая этнография	374
Хронология как наука о времени	404
Хронологическая таблица	405

Глава XV. Построение гипотез

А что тут не так?	416
Этнология	419
Опыт рассмотрения	422
Опыт осмысления	429
Опыт обобщения	432
Несколько слов к читателю	440

Примечания	442
Список литературы	461

Гумилев Л.

Г 94 В поисках вымышленного царства / Лев Гумилев. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 480 с. — (Азбука-классика. Non-Fiction).

ISBN 978-5-389-08114-7

Лев Николаевич Гумилев (1912–1992) — выдающийся историк и этнолог. Сын знаменитых родителей — А. Ахматовой и Н. Гумилева, — он был вынужден всю жизнь противостоять ударам судьбы и, вопреки всем несчастьям, сумел достичь небывалых высот в науке. Книга «В поисках вымышленного царства» — одна из самых известных работ выдающегося ученого. В ней увлекательно и подробно рассказывается о жизни народов Центральной Азии в IX–XIII веках, а также исследуется эпоха Киевской Руси и период образования Московского государства. Автор размышляет над вопросом: могло ли царство пресвитера Иоанна существовать на самом деле, или христианское государство, возглавляемое царем-священником, только красивая легенда-мечта?

УДК 94(5)

ББК 63.3(0)

Литературно-художественное издание

ЛЕВ ГУМИЛЕВ

В ПОИСКАХ ВЫМЫШЛЕННОГО ЦАРСТВА

Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Антон Васильев
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ольги Варламовой
Корректоры Валентина Гончар, Елена Шнитникова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 09.10.2018. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 21,15.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-NFA-16118-03-R